

ния и переводы Фонвизина до 1771 г., а из сатир лишь «Послание к слугам» и «Матюшку-разносчика»? Неужели у Новикова не хватило критического чутья и он счел, что «остроты разума и тонкости в сатирах» в «Лисице-казнодее» меньше, чем в «Матюшке-разносчике», и отнес басню к числу «острых и весьма хороших произведений», не названных по причине их незначительности? Непохоже на Новикова.

Враги иногда бывают точнее друзей. Но А. С. Хвостов в своем «Послании к творцу „Послания“», написанном в 1781 г., издевательски перебрал все произведения Фонвизина вплоть до «Матюшки-разносчика» и «Послания к Ямщику», а «Лисицы-казнодея» нет и у него.⁸ На чем же базируется версия об известности басни? Ведь ее не знали и читатели. Часто встречающаяся в списках конца XVIII и начала XIX в., «Лисица-казнодей» не попадает в рукописных сборниках 60-х годов.

Но если ни друзья, ни враги, ни читатели не слышали о басне до 1787 г., если сам писатель, уже признав свое авторство, не назвал ее среди произведений 60-х годов, что остается от гипотезы Пятковского? Не разумнее ли полагать, что получившая известность после публикации и тогда же названная Фонвизиным среди основных произведений басня написана незадолго до того, как она была напечатана, т. е. в 1780-е годы?

Вопрос этот не привлекал внимания исследователей, вероятно, потому, что отнесенная к 1762 г. басня легко ассоциируется с конкретным событием — смертью императрицы Елизаветы Петровны и произнесенными по этому поводу речами. В этой связи она обычно и рассматривается. «Фонвизин выступает в своей басне как ненавистник российской деспотии, российских политических порядков вообще и в то же время как ненавистник духовенства, елейно прославлявшего все то, что возмущало Фонвизина», — пишет Г. А. Гуковский.⁹ С этой оценкой нельзя не согласиться, как нельзя не согласиться с П. Н. Берковым, несколько расширившим круг возможных адресатов сатиры: «Пока не установлено еще, против кого персонально обращена басня Фонвизина, против определенного ли светского оратора, или какого-нибудь духовного проповедника, против ли тогдашних одописцев, — не подлежит во всяком случае сомнению то, что басня эта написана не ради острословия, а как выражение возмущения политикой российских самодержцев и их панегиристами».¹⁰ Все это абсолютно верно характеризует басню, но не объясняет, почему она относится к началу 60-х годов. Разве названные качества не характеризуют мимовозрождение зрелого Фонвизина?

⁸ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 216—220.

⁹ История русской литературы, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 157.

¹⁰ П. Н. Берков, Театр Фонвизина и русская культура. — В сб.: «Русские классики и театр». Изд. «Искусство», М.—Л., 1947, стр. 14.